

Сергей Тимофеев

Кафе

День первый

Сегодня я позвонил в службу перевозки и попросил вывезти из моей гостиной большой обеденный стол, телевизор, сервант и пару шкафчиков разных калибров. Вместо них другие грузчики внесли в достаточно просторную комнату десять потрепанных стульев и три круглых столика. За ними будут сидеть посетители. Я решил открыть у себя кафе. Винные бутылки и пару графинчиков с чем покрепче я расставил на подоконнике. Забил холодильник моцареллой и зеленью для бутербродов.

Потом на белом листе бумаги я вывел жирным красным маркером «Кафе» и повесил лист на входную дверь. И еще чуть ее приоткрыл. Слышались шаги – соседи спускались и поднимались. Дом у нас старый, и шаги отдаются добротным гулким эхом. Пару раз слышалось чье-то топтание у двери и смешки. Но никто так и не зашел.

Я присел на один из стульев напротив подоконника с бутылками и раскрыл газету. Бармен не должен выглядеть слишком ожидающим. В газете писали о мягком приземлении экономики. Денег у людей становилось меньше, может быть, они теперь реже заглядывают в заведения наподобие моего.

В 11 часов я закрылся и пошел спать. «Не надо делать поспешных выводов, – говорил я себе, лежа в постели. – Первый день есть первый день. Люди присматриваются, дай им на это время!» – «Конечно, дам!» – ответил я на это. И заснул.

День второй

Я решил открыться ровно в два. Уже через тридцать минут вошла первая посетительница. Конечно, несколько нерешительная, но я приободрил ее, поздоровавшись и улыбнувшись. Это была девушка в большой зеленой мохеровой шапке-берете, в темно-зеленой куртке, затянутой пояском, в джинсах и черных кедах. Еще у нее был длинный намотанный на горло полосатый шарф. «Не хотите снять шарф? – спросил я. – У нас топят, и довольно прилично!» Она окинула взглядом комнату и спросила: «Это действительно кафе?» – «Еще какое!» – ответил я и обвел комнату руками. На столах были разложены салфетки и стояли склянки с сахаром.

«Хотите я поставлю музыку?» Не дожидаясь ответа, я достал и выложил на проигрыватель пластинку одной эстрадной дивы 60-х. Низким голосом она пела о том, что ничто нельзя ничем заменить, и любовь – это синий диван, который видно в окне напротив, ниже этажом. Девушка все еще заметно колебалась. «Первый напиток за счет заведения!» – сказал я. Она оживилась и глянула на подоконник с бутылками, потом перевела взгляд на меня. «А у вас есть меню?» – спросила она. «Нет еще...» – сказал я. А подумав, добавил: «Пока не привезли из типографии».

«А что вы можете предложить?» – она смотрела теперь прямо на меня. «Хотите, может, имбирный чай? У меня большой запас имбиря...» Она коротко кивнула: «Хорошо». И села за столик, самый близкий к входной двери.

Я быстренько смолот имбирный корешок и положил пару ложек приятно пахнущей кашицы в чашку, а потом залил кипятком. Выложил на стеклянное блюдечко бугорок липового меда и принес все это ей. Она пила медленно, время от времени поглядывая то на меня, то на столики и предметы в комнате.

Я в это время стоял у подоконника, поднимал и разглядывал бутылки с алкоголем. И отмечал черточкой маркера уровень коньяка и виски. Мало ли, порядок должен быть. Да и вообще, важно выглядеть при деле.

Она допила, отставила кружку и улыбнулась. Я спросил: «Желаете что-то еще?». Она сказала: «Нет... Сегодня – нет...». Я кивнул: «Понятно, заходите завтра или как-нибудь потом».

На пластинке сменилась песня. Дива запела об осени и прощаниях, и о том, что ночи становятся длинней, ровно настолько, насколько мы и рассчитываем.

Я все еще стоял с одной из бутылок (с красной с золотым наклейкой) и маркером. Девушка поднялась, наматывая на горло шарф. И спросила: «Значит, первый напиток за счет заведения?» – «Ну да, – сказал я, – ага!»

Она вышла, помахав рукой на прощанье. В последующие часы в приоткрытую дверь нередко доносились шаги, но больше никто не заходил. Я опять загородился газетой. Время шло, и шло, и шло. Закрыл я снова в одиннадцать.

День третий

Сегодня та же девушка зашла с подружкой, полной блондинкой в очках и в рыжем пальто. Блондинка возбужденно смеялась и перешептывалась с девушкой. Они присели за столик посередине комнаты и заказали по горячему шоколаду. Я свалил в ковшик пару разломанных на дольки шоколадных плиток и поставил на огонь. Потом налил им по стаканчику холодной воды, как полагается, а растопленный шоколад залил в кружечки с рисунками из сказки про трех поросят.

Они пили шоколад маленькими глотками, а я протирал два больших стеклянных стакана белым вафельным полотенцем. Делал это неторопливо, снова и снова, разглядывая стаканы на свет и добиваясь абсолютной прозрачности. И параллельно думал: «Мои дела идут в гору, количество посетителей выросло в два раза. Надо будет заняться бухгалтерией, посмотреть нетто и брутто».

Девушки допили шоколад и воду и просто сидели и шушукались. Мне было хорошо. Я давал уют и пристанище людям в этом большом городе. Где порой так необходимо именно свое место. С корректным, уверенным и всегда готовым выслушать барменом. Таким, как я.

Девушки встали из-за столика чуть смущенные. «Это все ведь первая порция? Мы же ничего больше не заказывали!» – с претензией в голосе произнесла блондинка. «Да-да! – ответил я. – Конечно». «Вот и чудесно!» – приснула она в кулачок. Первой девушке было, кажется, неудобно за свою подругу. Она торопливо попрощалась и потащила ее за собой.

Я унес посуду, вытер их столик влажной тряпкой и расставил стулья. «Неплохой день, – подумал я. – Совсем неплохой день».

И закрыл заведение.

День четвертый

Сегодня я открылся довольно рано – в двенадцать. Настроение было отличное. Если прирост посетителей будет сохраняться, надо будет подумать о расширении дела. Может, открыть бар-закусочную в ванной? Надо обмозговать.

Но пару часов было тихо. Потом зазвучали шаги, приглушенные голоса. Я спрятался за газетой. В приоткрытую дверь просунулась физиономия парня с черной кудрявой бородкой и в вязаной шапке с козырьком. Он огляделся и сказал кому-то за дверью: «Здесь! Все точно, как она говорила... Ее подруга навела...». Потом дверь распахнулась настежь, и в нее по очереди шагнули пятеро парней. Все в широких штанах с карманами, в коротких куртках с капюшонами, отороченными искусственным волчьим мехом.

Они поглядывали то на меня, то на подоконник с бутылками. «Привет, значит... А виски есть?» – спросил тот, что вошел первым. Я сказал: «Не хотите присесть? Да, у нас есть немного скотча». Они сдвинули пять стульев вокруг одного столика и вальяжно вокруг него расселись. Я взял с подоконника бутылку со скотчем, разлил в два стакана и три чашки и поставил их на маленький черный поднос. А потом понес его к ним на столик. Они похватили стаканы и принялись.

Потом самый маленький из них с беспокойно бегавшими глазами-кнопками произнес: «А музон?!». Они посмотрели на меня. Я показал на свою стереосистему с проигрывателем и сказал: «Не знаю, устроит ли вас выбор... Джаз, шансон, эстрада прошлых

лет...». Они сморщились, и тут этот самый маленький из них достал большой белый с металлическим пузом айпод и сказал: «Лучше свое подключим!». Он направился к стереосистеме и стал колдовать над проводками. Я хотел было сказать, что у нас тут особая музыкальная политика. Но смолчал – может, и не стоит навязывать посетителям свои вкусы.

Заиграло что-то очень бухающее и механистичное. Заунывный голос забормотал: «Я с моего района, ты с твоего района. В душе у нас выжженная зона. Йо!» – «Йо!» – ответили хором все пятеро и опрокинули содержимое стаканов и чашек себе в рот. Потом они болтали друг с другом, перегибаясь через стол и как будто наваливаясь на собеседника, а завершив реплику, снова откидывались на спинку стула.

Покончив с виски и разговором, они встали и еще минут пятнадцать слонялись по комнате, рассматривая все подряд, коротко похохатывая и подпевая: «Йо!».

Наконец это им наскучило. Тот, кто вошел первым, произнес: «Ну ладно, что ли... Двигаем отсюда... Так что, хозяин, первая порция бесплатно? Гы-гы!» – «Вы не ошиблись», – холодно ответил я. «По рукам, тогда завтра зайдем еще... Жди нас к обеду, душка! Гы-гы-гы». И вся компания вслед за ним расхохоталась. Самый маленький с хрустом выдернул что-то из проводов моей стереосистемы, забрал айпод, и они вразвалочку двинулись к входной двери, шлепая друг друга по спинам и пиная стоявшие на пути стулья.

Они вышли. А я остался стоять. Еще минут десять. Потом сел. Потом встал и закрыл дверь. Кажется, я очень-очень устал.

День пятый

Сегодня я не открывался. Около двух слышны были чьи-то голоса, ко мне в дверь громко стучали.

Я включил классическое радио, завалился на кровать и вертел кубик Рубика. Часом позже, кажется, постучал кто-то еще, гораздо более тихо. Но я так и не открыл. Смешно, но, похоже, мне уже надоело мое кафе.

День шестой

Прошли сутки, и я все-таки открылся – поздно, около четырех. Снова пришла та первая девушка. Она сказала, что живет в этом доме. Двумя этажами выше. Странно, я никогда ее здесь не видел. Наверное, переехала недавно. Она предложила в этот раз заплатить за имбирный чай. «Первый напиток за счет заведения! Таково правило», – сказал я ей. Она возразила, что так я очень скоро вылечу в трубу. А я ответил, что в газетах пишут, что нас всех ждет мягкая посадка. И она уже началась. Я чувствую, что мы снижаемся и скоро выпустим шасси, и пассажиры уже готовы благодарно поаплодировать пилотам. Она спросила – зачем мне вообще это кафе? Я ответил: «Свое дело. Если все наладится, смогу даже по наследству передать, когда-нибудь...». Она замолчала. Допила чай, поставила чашку.

В этот момент дверь широко открылась, и в нее вошли двое статных усатых полицейских в кожаных куртках и темно-синих фуражках. «У вас есть лицензия на кафе?» – спросил один из них. «Нет», – немного подумав, ответил я. «Вы продаете спиртное?» – «Мог бы, но еще ничего не продал...» – «Вы понимаете, что вы поступаете противозаконно?! На первый раз отделаетесь предупреждением и конфискацией алкоголя». Они стали собирать бутылки с подоконника в большой темный пластиковый пакет. Закончив, тот, кто задавал вопросы, взвалил пакет себе на спину, оглянулся на меня и неодобрительно покачал головой. Потом они двинулись к выходу. Их громкие довольные голоса еще долго слышались на лестнице.

Девушка смотрела на меня с участием. Я взял вафельное полотенце и один из стаканов. Но не стал протирать, а просто держал их в руках. Тут девушка предложила зайти к ней в гости и выпить чего-нибудь против стресса. Мы поднялись наверх на два этажа, ее квартира была точно над моей и с точно такой же планировкой. Только больше картинок на стенах и плюшевых игрушек на полках. Она сказала: «Вот невезенье! У меня, оказывается, тоже все кончилось. Есть только молоко. Может, сделаем какао?» – «Отлично!» – сказал я.

Мы пили какао, и я думал: «Да, кафе – непростой бизнес. Но можно познакомиться с замечательными людьми».

Потом я сказал: «Спасибо!» – отдал ей чашку и улыбнулся. И пошел к двери, а потом вниз. Мне надо было что-то решать, что-то очень важное. Она стояла в проеме двери и смотрела мне вслед. Кажется, она немного обиделась, что я ушел так быстро.

В одной программе по радио я слышал, что культурным проектам сейчас живется даже легче, чем коммерческим. М-да. Надо подумать.

День седьмой

Я расставил десять стульев в два ряда, перевернул столы так, что они напоминали какие-то абстрактные декорации, расставил в углу китайскую ширму и написал на белом листе все тем же маркером: «Театр. Спектакль начинается в 19.00». Повесил листок на двери и снова оставил ее полуоткрытой. Без пяти семь в дверь робко заглянула та же самая девушка.

Она присела на один из стульев и сняла куртку. Я вышел из-за ширмы и посмотрел на нее. И торжественно произнес: «Вы присутствуете на спектакле, и то, что вы увидите, это – искусство». Потом я подошел к ней, наклонился, ближе, еще ближе... и застыл всего в паре сантиметров от ее лица. Мы долго молчали и слушали дыхание друг друга. Затем я отстранился, отошел назад и поклонился. Девушка схватила куртку и выбежала на лестницу. Прозвучала быстрая дробь ее шагов, а затем раздался стук захлопнутой двери.

Я тоже вышел на лестницу и снял вывеску. Похоже, постановщик из меня не очень.

Чем бы заняться еще?

День восьмой

На моей двери нет никакой вывески, и она закрыта. Жизнь снова как будто остановилась. Вернее, она течет, но совсем незаметно, как человек, который на цыпочках проходит у вас за спиной. Уже ближе к вечеру я подумал: «Интересно, а как поживает

девушка? Может, совсем не хочет меня видеть? А может, ждет каких-то объяснений по поводу вчерашнего? Пойду посмотрю». И поднялся наверх.

Вот это да! У нее на дверях висела табличка из цветного картона. На ней красовалась надпись: «Парк. Вход для всех». Я постучал в приоткрытую дверь и спросил: «А с собаками можно? И на роликовых досках?». Из-за двери прозвучал ответ: «Да-да-да!». И я зашел. Гостиная преобразилась. Девушка поставила на пол кадки с пальмами, елками и карликовыми березами. На полках в изобилии цвели экзотические цветы и до самого пола спускались гроздья декоративного винограда. А посередине стояла самая настоящая небольшая садовая скамейка, выкрашенная светло-зеленой краской.

В открытое окно залетела птица, приземлилась на подоконник, склонила голову и на нас уставилась. Мы оба сидели на скамейке, и я сказал: «Да, это замечательная идея. Классный у тебя получился парк! А садовник тебе не нужен или там специалист по каруселям?». Она сказала: «Хм... Наверное, что-нибудь найдется... Дело новое, непочатый край работы. Знаешь, приходи завтра к 10 утра с инструментами».

Девятый день

Вот и наступило новое утро. Я сижу дома у плиты и смотрю на кофейник. Скоро он вскипит, и я налью себе кофе. Бутерброды уже готовы: один с сыром, другой с салами. Приятно собираться на работу. Все-таки ни владелец кафе, ни режиссер из меня не получились. Буду работать в парке. Там, где мамы с колясками, пенсионеры с разговорами и подростки с неясными планами. Все наладится. Все будет тип-топ, как говорил мой школьный приятель. Где-то он теперь? Может, тоже заглянет в новый парк. Новости о таких местах распространяются быстро.

Латвия